

Дмитрий Ахметшин

*Здесь холодные замки пусты,
Стены ровные вечера просят,
Тени бродят среди тьмы,
Молодильнице яблоки месят.*

**Одна из тех, кто любит вещи,
но терпеть не может людей**

Дмитрий Ахметшин

**Она из тех, кто любит вещи,
но терпеть не может людей**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ахметшин Д.

Она из тех, кто любит вещи, но терпеть не может людей /

Д. Ахметшин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Любите ли вы посещать антикварные магазины? Знакомо ли вам особое чувство, когда вы держите в руках вещь, которая на много лет старше вас и которую держали в руках Бог знает, сколько людей? Возможно, этот рассказ для вас...

© Ахметшин Д., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Рассказ.

Стихи – Софья Сыромятникова.

Привычно крикнув, Варя отворила большую деревянную дверь.

– Йо, – сказала она, и Гецель кивнул, не оборачиваясь. Он сидел спиной к дверям, на корточках, смахивая пыль с медного подноса, где сгрудились изящные фарфоровые чашки. Каждую из этих чашек он поднимет и посмотрит на свет, скудный свет, пробивающийся сквозь занавешенное бордовой шторой оконце, каждую протрёт шерстяным лоскутом. У одной отколот край, и Михаил Иванович привычно нахмурится.

Этот ритуал будет продолжаться до тех пор, пока чайный набор не уйдёт «с молотка» какой-нибудь милой старушке, сражённой васильками на лакированных фарфоровых боках. Тогда объектом пристального внимания старого Гецеля будет служить что-то другое. Зеркало с едва заметной трещиной, но весьма необычной формы. Набор фигурок из дутого стекла...

Варя прошла в каморку за прилавком.

– Мы открываемся, – каркнул ей вслед Гецель. – Зажги вывеску.

Здесь один-единственный стол, заваленный хламом, рамка с комплектом увеличительных стёкол, каталоги с белыми обложками, несколько книг, в том числе огромный, пыльный и уродливый том по истории современной музеологии, настольная книга любого торговца антиквариатом. У дальней стенки – термопот и узкая лежанка с похожей на бетонный блок подушкой. Комфортно в каморке мог находиться только один человек, и сейчас, когда старый хозяин сам хочет постоять за прилавком и приветствовать постоянных клиентов, она целиком и полностью принадлежала Варя.

Девушка повесила сумку на спинку стула, щёлкнула автоматическим выключателем, вышла наружу, чтобы повесить на дверь (которая сама по себе имела антикварную ценность) таблички «ОТКРЫТО. Добро пожаловать!» и «Тянуть НА СЕБЯ и тянуть СИЛЬНО!». Выкурила сигарету – третью за утро – разглядывая себя в витрине булочной напротив. Маленькая девчушка с подвижными, почти крысиными чертами лица, с забранными в тугую узел чёрными волосами и почти всегда недоумённо вздёрнутыми бровями. Слегка сутулится. Варя не пыталась с этим бороться. Она думала: «Что скрывает твой образ, о луковый паж? Ты смиренно ждёшь часа, когда подрастёшь...»

Да, именно.

В десять двадцать пять пожаловал первый покупатель. Варя расставляла по году издания книги на полке у окна, поэтому заметила его издали. Хозяин заставляет плясать её у книжного шкафа раз в три дня. В прошлый раз потемневшие от времени кирпичи нужно было выстроить по алфавиту, причём «Баиф должен идти прежде этого сухаря Бабича».

Словно учуяв старого клиента, Гецель спросил:

– Ты подготовила часы с огородником? С минуты на минуту должен пожаловать Моше. Он звонил вчера.

– Конечно, дедуля. Сейчас принесу.

– Я тебе не дедушка! Ей-богу, за такие шуточки мне придётся тебя когда-нибудь уволить! Сколько раз повторять, что...

Но Варя уже скрылась в каморке, где со вздохом взялась за часы.

– Сам ты огородник, – бурчала она. – Совсем, что ли ослеп? Ребёнок сбегает из дома.

Это массивные настольные часы производства Эрнест Магнин, французской часовой мануфактуры, из дерева и бронзы. Циферблат круглый, с обычной 12-ти часовой индикацией и крошечной секундной стрелкой. Часы венчала фигурка ребёнка в смешных широких шортах

на подтяжках, который, поставив на циферблат одну ногу, вглядывался в даль. На его голове была шляпа, а в руке – посох, который дедуля Гецель, не разобравшись, обозвал лопатой.

Прежде чем запаковать часы в хрустящую бумагу (старый Моше всё равно разорвёт её под хмурым взглядом хозяина и внимательно осмотрит покупку), она достала из нижнего ящика стола баночку с исчезающей краской, а из пенала – кисть. Набрала в стакан воды из термopота. Включила в сеть рефлектор Минина, в простонародье «синюю лампу». Полился тёплый свет, который Варя направила в потолок, положив лампу на стол. Она ещё понадобится.

Обмакнув кисть в краску, она развернула часы и над латунной табличкой с данными завода-изготовителя вывела две строчки про лукового пажа. Полный стих был достаточно длинным, он бы здесь не уместился. Но хватит и пары строк, осколка её, Вариного, сердца, промокшего котёнка, который найдёт свой дом среди чужих вещей.

– Варвара! – раздался скрипучий голос Гецеля, сопровождающийся звяканьем дверного колокольчика. – Рэб Моше пришёл! Давай, неси сюда эти грешные часы!

Варя поздоровалась с покупателем, поставила перед ним свёрток и, не оглядываясь, вернулась в коморку. Села на скрипучий стул, откинулась на спинку, стала смотреть, как трепещет от слабого сквозняка там, высоко, паутинка. Она сама чувствовала себя паучихой. Вязь букв, переплетения слов и смыслов, в которые ловится только пыль, но есть небольшой шанс, что рано или поздно там окажется Вечность. С большой долей вероятности их никто никогда не прочтёт, но Варю это не волнует. Больше всего на свете она любит вещи, и именно вещам предназначены эти дарственные надписи.

Вещи – это живая история. Честнее вещей нет ничего. Век людей короток, и всё что они оставляют после себя рано или поздно оказывается здесь. Если, конечно, не истлевет за время испытательного срока, который иногда зовётся «сроком службы». . . Один парень говорил Варе, что важно только то, что и кому мы говорим. Только слова, мол, могут заставить сердце пуститься вскачь. Слушая его, Варя скептически опускала уголки рта. Слова не обязательно произносить. Им куда лучше будет, например, в сундуках книг.

Посмотрев на неё, тот парень сказал:

– Беру свои слова обратно. Сомневаюсь, что твоё сердце хоть что-то способно заставить бегать трусцой.

Но даже в ларце для своих слов Варя не нуждалась. Она держала их в голове, иногда даря вещам, которые собирались в вояж, облачаясь в хрустящий пиджак.

Она любила вещи. В их форме, в ощущении, которые они дарили рукам, в их тяжести, шершавости, теплоте, пыльном приятном запахе, от которого в носу заходились песнями кузнечики, Варе грезилась рифмованные строчки, огранкой которых она с удовольствием занималась.

За каждым предметом здесь стелился шлейф истории. Когда Варя первый раз сюда попала – по чистой случайности, соблазнившись прохладой маленького захламленного помещения в необычную для Питера жару – у неё закружилась голова. Именно тогда поэтический дар девушки взорвался, как оживший вулкан.

Голова до сих пор кружится, а каждой вещи были даны имена. Прикасаясь к ним, Варя чувствовала, какая плыла морем, какая путешествовала в огромной стальной птице, а какая считала перекрёстки.

В этот день она дала поэтическое напутствие ещё трём предметам. Два были продолжением «лукового пажа», одно – второй строфой «тихого пламени», стиха, который начинался со строк: «Когда ты бросишь бродить по своим мирам – вспомнишь ли ты, кто в белом замке король?»

Гецель надписей не видел, но даже если бы обнаружил одну, ему было бы наплевать. Дело старика – считать деньги, а чтобы без конца ворчать, и повода-то не нужно.

К вечеру Гецель утопал по своим делам, как всегда, оставив девушку за прилавком. Через десять минут после его ухода в переулке послышался звук мотора.

– Варвара Савельевна? – спросили с той стороны, тактично постучав в окно.

– Да, да, заходи скорее, – Варя выпорхнула наружу, как всегда, споткнувшись на ступеньке, придержала Мишке дверь. Колокольчик звонил всё время, пока молодой человек заносил внутрь коробки. Закончив, он с улыбкой посмотрел на девушку и вытер лоб.

– Сегодня много.

– Сама вижу. Что там?

Мальчишке было девятнадцать, то есть на два года меньше, чем Варе. Звал он её неизменно по имени-отчеству, всегда робел, несмотря на то, что был на целую голову выше, обладал широким, вполне взрослым лицом с квадратным подбородком, окаймлённым пушком, и вечно нестриженными, лохматыми, как у ирландца, волосами.

У него была «четвёрка» с кузовом, на которой парень развозил по окрестным магазинам тысячи разных вещей, от хлеба и до белых мышей для зоомагазина возле Чёрной речки. Он работал как вол, но при этом обладал редким даром появляться у «Лавки старьёвщика», когда не было хозяина.

– Как всегда, – Миша пожал плечами и несмело улыбнулся. – Хлам всякий.

Он сделал неловкий комплимент:

– Я каждый раз поражаюсь, как у вас... у тебя глаза зажигаются. Того и гляди, прихватишь и мою машину, чтобы продать её какой-нибудь старушке, как сарай для картошки.

Он посмеялся, но, видя, что шутка не произвела на Варю никакого впечатления, приоткрыл рот. На квадратном лице читалось: наверное, я слишком молод. Ты любишь всё, что пахнет пылью, а я... я пока полон жизни и всё ещё чувствую на губах молоко матери.

Но он был прав только отчасти. Варя не любила людей. Совсем.

– Тебе пора, – сказала она.

Расписавшись в бумагах, она вытолкала паренька за дверь. Предстояло много работы. Она буквально слышала, как там, под мятым картоном и пупырчатой плёнкой, ворочаются чудеса. Нож для бумаг споро вскрыл клейкую ленту. Доставая каждый предмет из упаковки, Варя вертела его в руках, разглядывая и пытаясь угадать обстановку, в которой он почувствовал бы себя лучше. Воссоздавала в голове давно прошедшие времена. Она не знала, где Гецель находит эти вещи, да и не хотела знать. Вкус старику пока не изменял – как и проверенные поставщики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.